



Он хорошо знает это. Но отступать поздно.

Он вспоминает тот вечер, когда режиссер Семен Житнигор вернулся из Южного. Он был мрачнее тучи. Нет, не запретили, но засомневались. И в управлении культуры, и в областном драмтеатре. Спектакли с образом Ленина, сказали, идут везде. Но «Между ливнями» Штейна поставили в стране всего несколько профессиональных театров с известными артистами в роли Владимира Ильича. И вдруг — совсем молодой, к тому же народный Охинский театр. И вдруг никому не известный геофизик Юрий Длугий, пусть даже, как говорят о нем, очень талантливый парень. Уве-

лой для партии, для страны. Поняли и оценили, преклонились перед мужеством коммунистов, их несгибаемой волей, преданностью делу революции, перед гениальностью ленинского разума, ленинской правды.

— Так что же будем делать? — спросил режиссер.

Последнее слово оставалось за Юрием. Все смотрели на него.

— Все правильно, — кивнул головой Длугий. — Огромный труд и огромная ответственность. И потому, я думаю, мы не можем отступить.

Так решили тогда. И так решил он. Но что делать, если все-таки не получается, если порой теряешь уверенность в своих силах?

были муки, минуты отчаяния, ночи без сна, и все-таки — легче. Теперь его партнерами были не зеркала, не экран — красные томики Ленина, учебники истории, брошюры и книги.

А потом наступил день премьеры. Это была не просто премьеры, а самый важный, самый ответственный экзамен в жизни Юрия Длугия.

Первые минуты на сцене он чувствовал себя скованно. Говорил давно заученные слова, а сам невольно кидал взгляд в зал. Там стояла напряженная тишина. Сотни пар глаз впились в Юрия и он физически ощущал их, слышал, как взволнованно дышат люди. Они поверили Юрию. Когда он почувствовал это, ему пока-

.. Вот теперь можно написать Ридалью. Заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР. Арсений Григорьевич сейчас уже на пенсии. Но он был первым учителем студента Юрия Длугия.

Может, послать программу спектакля? Там, на внутренней странице, портрет Ленина, а внизу крупным шрифтом набрана одна строка, самая главная, ради которой стоило жить: «В роли В. И. Ленина — Ю. В. Длугий».

Нет, не будет он посылать программу. Нескромно получится. И писать ничего не станет. Пусть старик узнает об этом от других

## ОДНА СТРОКА

«МЫ СИЛЬНЫ правдой, голубко правдой, одной правдой».

Сколько раз повторил он эти слова? Сто? Тысячу? Ставил перед собой зеркало и говорил, говорил. Потом срывался с места и бегал из угла в угол: «Не то, не то!». Часами сидел у магнитофона, отключившись от всего на свете и вслушиваясь в ленинскую речь. Весь во власти этого голоса, брал в руки микрофон и начинал говорить сам. Те же слова, те же фразы. А когда включал воспроизведение, хватался за голову: «Не так!».

Задав дыхание, смотрел на экран. Вот он, Ленин, живой, близкий. Запоминал каждый шаг, каждый жест, а потом долго и упорно пытался повторить их.

Разные актеры могут сыграть одну и ту же роль по-разному. И убедить зрителей, что их герой был именно таким, каким они его увидели и показали. Ленин — другое. Никто и никогда не сумеет создать полный и всесторонний образ Ленина. Это невозможно. Можно лишь показать его с какой-то одной стороны, подчеркнуть те или иные черты его характера. Но при всех условиях он должен быть Лениным, именно таким, каким он был в жизни. Потому что Ленина знает все человечество. Люди в зале мгновенно заметят малейшую фальшь. И не простят.

рены ли вы, что справитесь? Понимаете ли, какую ответственность берете на себя? Подумайте...

Они думали, много. Да, спектакль сложный. И сложность его заключается именно в образе Ленина. Он появляется перед зрителями всего дважды, но... работает без партнера, один, за исключением сцены с Позднышевым.

...Квартира в Кремле. Ленин ходит с газетой вокруг стола, говорит по телефону, заразительно смеется, спорит с воображаемыми противниками, думает вслух. О судьбах молодой Страны Советов, о рабочем классе России, умирающем с голоду, о единственно правильном выходе — новой экономической политике.

...Только что ушел Позднышев. Разговор с ним взволновал Ленина. В Кронштадте мятеж. В ревкоме — контрреволюционеры, готовящие переворот. Положение опасное. Ленин устраивается в кресле, пытается уснуть, считает, как советовал доктор, до ста, думать о пустяках, но снова и снова возвращается к мыслям о Кронштадте.

Неимоверно трудную задачу поставил Александр Штейн перед исполнителем роли Ленина. Надо провести эти сцены на самом высоком накале, на необыкновенном напряжении, захватить, подчинить себе все внимание, все чувства людей, сидящих в зале. А для этого зрители должны поверить, что перед ними действительно Ленин, взволнованный, страстный и убежденный. Надо, чтобы зрители вспомнили, представили наяву ту голодную, мятежную весну 21-го, и поняли, какой она была тяже-

...В Южном, куда они приехали с Житнигором «показать Ленина», Длугий волновался, ждал «разгрома». Так и случилось.

— Плохо. Очень плохо, — сказал главный режиссер областного театра Евгений Ильич Сахаров. — А знаете почему? Вы изо всех сил стараетесь подражать Ленину, артистам, играющим его. Вам не дает покоя мысль: похоже или нет. Она мешает вам, сковывает. Не нужно копировать. Забудьте об этом. Не внешне сходство должно быть для вас главным, а содержание.

Они много говорили. Сахаров строго-настрого запретил Юрию смотреть фильмы о Ленине, слушать записи с его речью, иначе он снова невольно сообразит на подражание. Надо читать Ленина, сказал он, читать книги о нем, воспоминания, изучать историю партии, первых лет Советской власти. Надо переселиться в 21-й год, жить теми заботами, дышать тем воздухом. И тогда у вас обязательно получится.

Вторым человеком, влиявшим в Юрия уверенность, был гример театра Петр Ефремович Андросов. То, что он сделал, можно назвать чудом. Увидев Юрия, никто не верил, что можно добиться схождения.

Полжизни проработал в театре Петр Ефремович. Сотни раз гримировал артистов, играющих Ленина, но такой трудной работы у него еще не было. И тем не менее, он сумел. Когда Длугий оторвал взгляд от рук гримера и посмотрел на себя в зеркало, у него перехватило дыхание: перед ним стоял Владимир Ильич.

...Дальше уже пошло легче. Тоже

залось, что за спиной выросли крылья. Слово развязали ему руки и он пошел свободнее и увереннее. Он и зал будто слились воедино и не было на свете ничего важнее этого.

«Иные боятся смотреть правде в глаза. Боятся, что эта правда окажется им не под силу. А нам правда — под силу!» — говорил Юрий. И в этих словах звучал наш сегодняшний день, наш завтрашний.

Заговорщики, пробравшиеся в гущу революционных матросов, готовят партии удар в спину. И Ленин решает: туда пойдут коммунисты.

Так было всегда. И сейчас Юрий видел, был уверен — позови этих людей, что сидят в зале, боясь проронить хоть слово, на самое трудное, самое опасное дело, и они пойдут, все до единого, прямо отсюда.

...Занавес поднимался и опускался много раз. Казалось, стены не выдержат натиска, рухнут под взрывами аплодисментов. К Юрию тянулись сотни рук, сотни глаз и улыбок. И это была величайшая благодарность. За Ленина, за то, что он словно свел его сюда, к ним, взбудоражил, заставил в едином ритме биться сердца.

Наверное, были и накладные. Наверное, можно было сыграть лучше, четче, еще собраннее и правдивее. Скорее всего, так и есть. И он будет продолжать работать, искать. Но это была удача. И его, и Житнигора, и всех остальных участников спектакля, и директора Дворца культуры нефтяников Адольфа Соломоновича Шимана, и Евгения Ильича Сахарова, и Петра Ефремовича Андросова, и еще многих, многих людей.



— в Охе много грозненцев. Лучше послать снимок одной из буровых и написать примерно так: здесь я работаю, днем и ночью «мотаюсь» на лутучках, прослушиваю, присматриваю, как врач, как рентгенолог, эти скважины. Чтобы они дали нефть. Я ведь нефтяник. Помните, я хотел стать артистом? Может и лучше, что не прошел по конкурсу в ГИТИС. Потому что убедился — искусству можно служить везде.

Г. ШАРУН.

Оха — Южно-Сахалинск.  
НА СНИМКАХ: Ю. В. Длугий (справа). Вверху — в роли В. И. Ленина.